

УДК 271.2:2-4:159.922.262(470.2)

**РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ
ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВВ.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ОЛОНЕЦКОЙ ЕПАРХИИ)**

Пулькин М.В.

В статье рассмотрены основные закономерности религиозной жизни городов Олонецкой епархии на протяжении длительного и значимого периода церковной истории. Выявлено, что по причине различия исторических судеб города Олонецкой епархии обладали существенными специфическими чертами в религиозном отношении. Наряду с городами, имеющими длительную церковную историю, имелись населенные пункты, в которых религиозная жизнь имела явные черты сходства с деревенским укладом приходской жизни. Особую роль в конфессиональной истории края имел Петрозаводск, обладавший относительно стабильным материальным положением, длительное время являвшийся местом нахождения кафедрального собора и главного духовного учебного заведения епархии.

Ключевые слова: город, урбанизация, Православие, духовенство, прихожане, храм, Церковь, часовня, обрядность, миряне.

**RELIGIOUS LIFE OF A PROVINCIAL TOWN IN THE 18TH –
EARLY 20TH CENTURIES (BASED ON THE MATERIALS
OF THE OLONETS DIOCESE)**

Pulkin M.V.

The article discusses the main patterns of religious life of the Olonets diocese towns over a long and significant period of Church history. It was revealed that due to the difference in historical destinies, the towns of the Olonets diocese had significant specific features in religious terms. Along with towns with a long ecclesiastical history, there were settlements in which religious life had obvious similarities with the rural way of parish life. Petrozavodsk played a special role in the confessional history of the region having a relatively stable financial situation, and

for a long time being the location of the Cathedral and the main spiritual educational institution of the diocese.

Keywords: town, urbanization, Orthodoxy, clergy, parishioners, temple, Church, chapel, ritual, laity.

Проблема адаптации жизни православного прихода к городским условиям является одной из наименее изученных среди многочисленных аспектов церковной истории. Она включает в себя значительное количество разнообразных вопросов. Город всегда «притягивает инициативу, поднимает выше цеховой значимости индивидуальность, открывает широкое жизненное пространство активности субъекта» [27, с. 238], что создавало для прихода, основанного преимущественно на ценностях коллективизма, дополнительные сложности. Город является организующим центром культуры, как место инноваций, как провозвестник будущего. Основные черты городской жизни слабо состыковывались с освященными традицией нормами приходской жизни, где главную роль играла религиозная культура. Расцвет городской культуры и упадок религии предстают в современной научной литературе как тесно взаимосвязанные процессы [21, с. 20, 116]. По этой причине «имеются все основания сельскую традицию рассматривать как архаическую, а городскую – как пост-архаическую» [40, с. 83]. Одновременно город обеспечивает «эффективные каналы для активизации потенциалов духовности, располагая разнообразными образовательными, культурными, религиозными и иными ресурсами для самореализации индивида, эффективного развития социума» [19, с. 34]. Становление городской религиозной жизни и формирование ее особенностей в Олонецкой епархии приходится преимущественно на конец XVIII – начало XIX вв., что объясняется сравнительно поздним появлением большинства городов и формальным принципом их учреждения.

Задачи данной статьи заключаются в выявлении основных закономерностей эволюции религиозной жизни города, изучении наиболее типичных черт соотношения урбанизационных процессов и конфессиональной

специфики Олонецкой епархии.

В основу для создания городов в изучаемый период был положен принцип административного удобства, а не степени экономического развития поселений, что не могло не влиять на религиозную жизнь. Определяющим фактором в формировании специфики конфессиональной жизни городов Олонецкой епархии стали условия их возникновения, особенности хозяйственной жизни, административный статус. Особым явлением в церковной истории стала специфика городской религиозности. Местная духовная власть по-разному расценивала состояние благочестия в народе, отдавая явное предпочтение низшим слоям городского населения. Как говорилось в отчете о состоянии Олонецкой епархии за 1861 г., «о жителях городов можно сказать, что между ними чувство благочестия живее и искреннее в среднем и низшем сословии, чем в сословии чиновном». Среди местных управленцев «вообще примечается более равнодушия и холодности по отношению к благочестию» [34, л. 29]. На близлежащие селения город влиял не только в экономическом, но и в духовном плане. Жители пригородных приходов не соблюдали пост, «соблазняясь всякого рода городскими развлечениями» [3, с. 241]. Отчет о состоянии епархии за 1904 г. содержит еще более негативные высказывания: «Главным и наиболее известным путем распространения безверия и нравственной распущенности среди простого деревенского люда служит временное пребывание многих из крестьян в городах, особенно столичных, куда они ходят на заработки и отправляют своих детей для помещения в разного рода мастерские». Такие крестьяне «утрачивают чистоту и простоту нравов», возвращаясь в родную деревню «с охлажденным религиозно-нравственным чувством» [36, л. 29].

При несомненных чертах сходства, все города изучаемой территории обладали собственной экономической, административной и церковной спецификой, которая предопределяла заметные различия в их религиозной жизни. Города Олонецкой епархии могут быть классифицированы исходя из ее исторически сложившихся особенностей. *Первая* группа: Каргополь и Олонец –

наиболее древние города, с вполне устоявшейся, стабильной религиозной жизнью. Их возникновение связано с хозяйственными, административными или оборонными потребностями государства и местного населения. *Вторая* группа: города, оформившиеся сравнительно поздно и так и не сумевшие в XIX – начале XX вв. преодолеть явные «деревенские рудименты» в религиозной жизни – Повенец, Пудож, Вытегра и Лодейное Поле. *Третья* группа представлена только одним значимым городом, сыгравшим особую роль в религиозной жизни епархии. Речь идет о Петрозаводске, конфессиональные особенности которого формировались под ощутимым воздействием потребностей горнозаводского производства и при всесторонней поддержке со стороны государства.

Специфика каждой из групп проявлялась в ряде сфер. Одной из них стало финансирование строительства церквей. Наиболее типичным способом получения средств для возведения храмов в первой группе городов, Каргополе и Олонце, стала купеческая благотворительность. Финансовое участие малообеспеченных горожан или частных промышленных предприятий, широкое привлечение государственных средств для возведения церквей и часовен отмечается редко. По-другому осуществлялось строительство храмов и во второй группе городов: наиболее заметную роль играли пожертвования основной массы горожан. Третья группа, представленная административным центром епархии, стала наиболее отличимой от двух предшествующих. В период становления города наиболее заметную роль играли регулярные заводские отчисления. Петровский, а затем Александровский заводы понесли существенные затраты и приложили немалые усилия для строительства, «благоукрашения», ремонта храмов. Начиная с первой четверти XIX в. в Олонецкой епархии к финансированию строительства городских храмов привлекались государственные средства, ставшие основой для наиболее масштабных архитектурных проектов: Александро-Невской, Святодуховской и Воскресенской церквей.

Обратимся к проблемам религиозной жизни городов Олонецкой епархии,

начиная с города, длительное время являвшегося ее центром – *Петрозаводска*. Становление религиозной жизни в слободе, предшествующей городу, связано с первыми годами предыстории Петрозаводска. Предположительно в 1703 г. здесь была построена деревянная церковь во имя свв. апостолов Петра и Павла с приделами, посвященными Алексею, человеку Божию и Александру Невскому (святым, тезоименитым царевичу Алексею и ближайшему сподвижнику Петра I А.Д. Меншикову). Сведений о второй заводской церкви, Святодуховской, сохранилось значительно меньше. Она была построена в тот период, когда заводами управляла Адмиралтейств-коллегия, т.е. до 1712 г [17, с. 58]. В марте 1752 г. канцелярия выдала жалованье «находящемуся при здешних заводах при отправлении в церквах Божиих священнослужения входящему (т.е. работающему по совместительству – *М.П.*) из Святозерской выставки попу Федору Моисееву». Собственный заводской священник Афанасий Григорьев был по каким-то причинам «от оных заводов отлучен» и пострижен в монахи. Найти нового священника для заводской администрации оказалось непростым делом, поскольку священнику при заводах «кроме настоящеопределенного жалованья за малостию людей питаться нечем» [58, с. 49]. Серьезные трудности проявились и в текущем ремонте приходских церквей. Несмотря на все принимаемые меры, заводской канцелярии удалось сберечь только одну из двух заводских церквей. В январе 1755 г. священник Трофим Матвеев доносил Синоду, что имевшаяся на заводах церковь во имя Сошествия Святого Духа «уже в немалую пришла ветхость и гнилость». На ее ремонт в заводской казне «в наличности денежной суммы николикого числа не имеется» [14, л. 1].

В июле 1757 г. на Петровский завод поступил указ Святейшего Правительствующего Синода с благословением возвести новый храм «вместо имеющейся при оных заводах построенной еще в бывшее оных заводов ведомство государственной Адмиралтейской коллегией вновь деревянной во имя Сошествия Святого Духа церкви». Синод распорядился построить новую церковь на месте обветшавшего старого храма и «убрать святыми иконами и

прочим церковным благолепием» в соответствии с существующими правилами. После завершения строительства и благоуукрашения Синод предписал «об освящении оной требовать благословения от имеемого быть в Новгородской епархии преосвященного архиерея». Прежнюю деревянную церковь надлежало «по разобрании употребить к церковному строению, а прочее употребить на печение просфор» [41, л. 269]. Сохранился контракт о строительстве новой церкви, заключенный между заводской канцелярией и местным обывателем А. Мурашевым, содержащий подробное описание всех предстоящих работ. Конкретные сроки завершения строительства неизвестны. Святодуховская церковь упоминается в труде академика Н.Я. Озерецковского, посетившего Петрозаводск в 1784 г. В 1795 г. вместо нее было решено построить каменную Святодуховскую церковь о трех престолах за счет «церковной суммы». Нововозведенную церковь в 1875 г. переименовали, и она стала называться Воскресенской [38, с. 320-322].

Заводская канцелярия, в значительной степени принимая на себя руководство религиозной жизнью подведомственного ей населения, не ограничивалась решением лишь материальных проблем духовенства и строительством церквей. Даже такой сугубо церковный вопрос как исполнение таинства покаяния находился под ее неусыпным контролем. В апреле 1769 г. в Канцелярию Олонецких Петровских заводов обратился священник Мирон Трофимов. Он жаловался на заводских «обывателей», которых «ко исповеди является самое малое число» и потребовал, на основании существующих законов, «состоящих при здешнем Петровском заводе в ведении оной Канцелярии всякого звания чинов людей, даже до сущего семилетнего младенца, к исповеди принудить». Со своей стороны, заводское начальство также добивалось всеобщей явки на исповедь, поскольку ответственность за своевременное исполнение христианского долга возлагалась и на нее. Заводская канцелярия предписала «состоящих при здешнем заводе» в ее ведении «разного звания и чинов людей к хождению на исповедь накрепко принудить». В документе особо подчеркивалось, что ослушники «штрафованы

быть имеют непременно». Священнику предписывалось «в скорости» представить «известие» обо всех неисповедавшихся для последующего неотвратимого наказания [42, л. 159].

Участие в повседневной религиозной жизни для многих петрозаводчан оставалось обременительной обязанностью. Первый директор Александровского завода А.С. Ярцов в октябре 1780 г. отмечал, что даже в воскресные и праздничные дни работники «в церковь мало ходят, и почти никто не бывает». Для того чтобы преодолеть «упущение», Ярцов распорядился собирать мастеровых и «перекликая при заводе, водить в церковь строем с надзирателями». Отказывающиеся посещать храм подвергались наказанию. Их полагалось записывать и «на другой день штрафовать по законам» [43, л. 400]. Такая же практика имела место и в начале XIX в. Как видно из прошения мастеровых, датированного 1806 г., за неявку в церковь провинившихся заставляли работать на заводе в выходные дни [2, с. 155].

В апреле 1783 г. было принято решение о строительстве еще одной церкви в Петрозаводске. Купцы и мещане города объявили петрозаводскому коменданту, что «желают они построить к состоящей в городе на Зарецкой стороне на могильнике часовни для церковной службы и отпевания умерших их общественным иждивением алтарь (превратив тем самым часовню в церковь – *М.П.*) и притом вокруг всей могилы деревянную ограду». Обыватели просили коменданта обратиться к городовому магистрату «с требованием дачи петрозаводским градским делам о подряде всего того строения на щет собираемых общественных сумм доходов повеления» (т.е., в переводе на современный язык, магистрат должен был объявить о новом подряде, финансируемом из городских средств). В мае 1796 г. завершилось начатое в 1792 г. строительство Троицкой церкви на средства вытегорской купеческой вдовы Ертовой. Решение о строительстве (благословение епископа Вениамина) принято в связи с тем, что «в том городе (Петрозаводске – *М.П.*) состоит один только Петропавловский собор, и что по тесноте и приходские люди, <...> граждане и обыватели все желание иметь особого священника с причетом и с

выдачею им довольного жалованья желание объявили» [55, л. 1]. В июне 1800 г. по просьбе мастеровых, купцов и мещан города Петрозаводска учрежден особый приход при Троицкой церкви с условием выплаты жалованья священнику и причту из средств прихожан. Одновременно осуществлен перенос городского кладбища на новое место к реке Неглинке, где к тому времени была выстроена колокольня, а в дальнейшем предполагалось возвести кладбищенскую церковь. В следующем году в Петрозаводске завершилась перестройка новой церкви из часовни. Новый храм освящен во имя Воздвижения Креста Господня [55, л. 17].

Одновременно решались кадровые проблемы церкви. В октябре 1829 г. в Петрозаводске открылась Олонецкая духовная семинария. Первоначально семинария разместилась в здании, занимаемом духовным училищем, а для проживания воспитанников были отведены флигеля при архиерейском доме [26, с. 25]. В XIX в. религиозная жизнь получила новый импульс: началось активное возведение приходских храмов. К тому времени находящиеся в Петрозаводске старые соборные церкви, построенные в XVIII в., окончательно обветшали. Как говорилось в письме олонецкого губернатора А.И. Рыхлевского архангельскому, олонецкому и вологодскому генерал-губернатору С.И. Миницкому, петрозаводские церкви, «быв давно оставлены без починок и поправок, время от времени приближаются к совершенному, можно сказать, разрушению». Церковное имущество также недостаточно: «ризница, в оных находящаяся, <...> представляет убожество». Для исправления положения необходимы значительные средства. Губернским архитектором составлена смета «как на исправление упоминаемых церквей, так и на построение вокруг оных ограды». Городские средства не позволяли решить проблему. Как говорилось в цитируемом документе, чиновники и прочие граждане города собирали необходимые средства, «но этих денег недостаточно» [39, л. 6-8]. В апреле 1825 г. были выделены казенные ассигнования (15 000 рублей) на постройку церкви во имя святого Александра Невского. В 1835 г. строительство церкви завершилось. До декабря 1835 г. она находилась в ведении

епархиального начальства, а затем передана в распоряжение администрации Александровского завода.

Архитектурный облик нового храма соответствовал лучшим столичным образцам. В одной из башен церкви зодчие устроили колокольню, а затем «вокруг церкви с западной, северной и восточной и частью с южной стороны устроена усердием прихожан Александровского пушечного завода весьма приличная ограда». Иконописные работы осуществил петербургский художник Александр Чижов: он скопировал на холсте лучшие образцы росписей Казанского собора, походной церкви Александра I, Александро-Невской лавры, церковью Генерального штаба, Михайловского замка и придворной церкви Зимнего дворца. При новом храме открылась церковно-приходская школа, в которой обучали Закону Божию, основам грамматики и арифметики. С 1839 г. при церкви служили один священник, один дьякон и два причетника. В 1842 г. открылась еще одна священническая вакансия. Не обошлось без обычных проблем: растущий причт заводской церкви, как и его предшественники, изъявлял недовольство своим материальным положением. Как говорилось в описании церкви, «содержание священников посредственно, но младших членов причта, особенно оо. дьяконов-псаломщиков, по дороговизне в настоящее время существенных потребностей и скудости, ощутительной в прихожанах от той же причины, не вполне удовлетворительно» [32, л. 141].

Невзирая на все проблемы, петрозаводчане постоянно заботились об увеличении числа городских храмов. В апреле 1860 г. освящено место, избранное под постройку нового кафедрального собора в Петрозаводске. Храм возвели на Соборной площади в близком расстоянии от прежнего кафедрального собора. Решение о строительстве нового собора приняли еще в 1780-х гг., но переписка затянулась на длительный срок. Окончательное разрешение начать строительство Воскресенского собора в Петрозаводске получили в 1859 г. при архиепископе Аркадии. Наблюдение за строительством осуществлял губернский архитектор В.В. Тухтаров. По свидетельству современников, «собор имел вид четырехконечного креста». Кроме главного

купола, «имеются еще четыре купола по четырем углам, из коих в двух назначены колокольни». В 1866 г. в подвальном помещении собора открылась пещерная церковь, освященная во имя Собора карельских святых. Таким образом, в центре города должны были сосредоточиться три соборные церкви: старые Святодуховская и Петропавловская и новый Воскресенский собор [53, с. 23]. В 1852 г. была освящена новая теплая Крестовоздвиженская кладбищенская церковь, построенная «на благотворительные приношения», «по плану и фасаду, высочайше утвержденным» [5, л. 63]. В 1877 г. на заседании городской Думы по предложению городского головы Н.Ф. Пикина решили ознаменовать столетие обретения Петрозаводском статуса города постройкой церкви по имя вмч. Екатерины на городском кладбище. Дума распорядилась безвозмездно отпустить лесоматериалы из городской дачи. Местные купцы Ф.П. Попов, М.А. Пospelов, мещанин Ф.Л. Чехонин «участвовали своими пожертвованиями в финансировании проекта», а городской голова Н.Ф. Пикин возглавил строительный комитет. Петербургский купец И.Ф. Громов, владелец Соломенского лесозавода, обеспечил строительство тесом и пожертвовал для храма серебряную церковную утварь [22, с. 37].

Подводя первые итоги изучения особенностей городской религиозной жизни, можно сказать, что в конце XVIII – начале XX вв. в религиозной жизни Петрозаводска сохранялись проблемы, унаследованные от предшествующего периода: значительное влияние старообрядчества, острая нехватка церквей, бедность приходского духовенства. Наметились и положительные тенденции. Приходское духовенство в городе начало получать систематическое богословское образование. Эти тенденции получили продолжение в начале XX в. В начале прошлого столетия проблема церковного просвещения стала толковаться более широко, распространяясь не только на приходское духовенство, но и на паству. В 1911 г. в Петрозаводске для местных жителей проводились специальные религиозно-нравственные чтения, в которых приняли участие местный архиепископ, священники, воспитанники старших

курсов духовной семинарии, а главным предметом изучения стали тексты Евангелий [16, с. 83]. Местные священники активно участвовали в самых различных мероприятиях, осуществляемых духовной и светской властью. В конце XIX – начале XX вв. один из видных петрозаводских священников, о. Николай Чуков, кроме участия в различных земских комиссиях, являлся членом Губернского статистического комитета, комитета Петрозаводской публичной библиотеки, Губернского попечительства о народной трезвости, Попечительского совета Петрозаводской женской гимназии, членов Военно-спортивного комитета и Губернской санитарной комиссии, а также пожизненным членом Общества изучения Олонецкой губернии [52, с. 121]. Инновации составляли специфику городского уклада сельской жизни, раз и навсегда ломая стереотипные представления о «малообразованном и нищем попе», помышляющим лишь о поборах с прихожан.

Новым явлением во второй половине XIX – начале XX вв. в жизни Петрозаводска стало интенсивное церковное строительство, целью которого стало придание центру епархии приличествующего облика. Его итоги отражены в весьма скептических заметках, появившихся в епархиальной прессе в начале XX в. и словно отражающих результаты всех трудов и затрат. Отмечалось, что содержание Воскресенского и Петропавловского храмов городу вполне по плечу, а Свято-Духовский собор стал непосильным бременем для местных верующих и города в целом. Как полагали современники событий, «воздвигнуто это грандиозное здание, которому приличнее быть в столице или в каком-либо населенном и промышленном городе, но только не в Петрозаводске» [37, с. 367]. На содержание храма у горожан не хватало средств, что отражалось на состоянии главного церковного здания епархии. Вскоре «собор пришел в упадок», он оказался «мрачен, неблагоустроен». В зимние холода «быть продолжительное время на богослужении в нем прямо вредно для здоровья» [37, с. 368]. Отсутствие средств отражалось и на состоянии ризницы. Во время торжественных богослужений «стыдно выходить на середину храма перед губернатором и другими представителями власти; дело

дошло до того, что не стало ни одного более или менее сносного комплекта облачений для архиерейских служений, а то все – рвань и грязь». Выводы статьи демонстрировали провал амбициозных архитектурных решений: «краса края», Свято-Духовский собор, может стать «притчей по языцех», «за которую придется краснеть» как служителям храма, так и местным жителям [37, с. 369].

Олонец. Совсем по-иному складывалась религиозная жизнь Олонца. В XVIII в. на территории всей Олонецкой епархии (как в городских, так и в сельских приходах) служили священники, за плечами которых была лишь учеба «при отцах своих» (город Олонец здесь не исключение). В XIX в. ситуация изменилась: по данным Ведомости об Олонецкой градской соборной церкви за 1834 г., в Олонце служили выпускники Новгородской, Вологодской и Архангельской духовных семинарий, Олонецкого уездного училища. У некоторых местных священников имелся значительный опыт преподавания в духовных учебных заведениях [7, л. 6, 11]. Настоятель олонецкого Николаевского собора М.А. Прилежаев после окончания в 1843 г. Олонецкой духовной семинарии был направлен в Петрозаводское духовное уездное училище преподавателем греческого языка, арифметики и нотного пения и в 1847 г. «определен» к собору. В 1849 г. по распоряжению начальства он стал одновременно законоучителем в Олонецком уездном училище. Служащий при том же соборе священник И.И. Светлов в 1840 г. был определен в Свирское духовное училище, в котором, не оставляя собор, преподавал в течение 25 лет [7, л. 10].

Неудивительно, что на олонецких священников возлагались самые разнообразные обязанности, порой лишь косвенным образом связанные с пастырской деятельностью. Настоятель олонецкого Николаевского собора протоиерей М.А. Прилежаев длительное время (с 1849 по 1853 гг.) являлся присутствующим в Олонецком духовном правлении, а после закрытия правления в 1854 г. «определен членом в Олонецкий Оспенный комитет». С 1869 г. он же по распоряжению директора училищ Олонецкой губернии безвозмездно исполнял должность смотрителя училищ. Священник И.И.

Светлов с 1870 г. по момент составления ведомости (т.е. к 1874 г.) оставался «увещателем арестантов» [7, л. 11]. К исполнению разнообразных должностей привлекались не только сами священники, но и их супруги. По данным 1874 г., жена исполнявшего обязанности псаломщика «запрещенного», т.е. временно отстраненного от священнической должности А.Н. Аверинева с 1845 г. до момента составления отчета «проходила должность надзирательницы» при Каргопольском духовном девичьем училище [7, л. 13 об.].

Существенным фактором приходской жизни в XIX – начале XX вв. оставалось обеспечение духовенства. Церковные власти стремились к тому, чтобы повсеместно в России духовенство получало жалование и, таким образом, обрело относительную независимость от прихожан в материальных вопросах. Реальность вносила существенные коррективы в эти планы. Одним из главных источников средств к существованию для духовенства, как в древности, оставалась земля. При Олонецком Николаевском соборе в XIX – начале XX вв. состояло «сенокосной земли» 15 десятин, «неудобной и поросшей лесом». Вместо пашенной земли прихожане обязывались выплачивать духовенству жалованье («ругу») из собственных средств [7, л. 1]. В отличие от некоторых других приходов Олонецкой епархии жалованья из казны причт олонецких церквей не получал, но денежные средства в его пользу поступали за счет процентов с «государственных непрерывно доходных билетов», оставленных по духовным завещаниям олонецких, петербургских, петрозаводских купцов и мещан с условием «вечного поминовения их родственников», а также «их самих по смерти». Общий доход от всех вложений по состоянию на 1875 г. составлял сто двадцать два рубля тридцать восемь копеек [7, л. 2].

Помимо взаимоотношений с духовенством, другой существенной заботой олонецких прихожан стали приходские церкви и часовни. Главенствующее положение в городе имел Олонецкий Николаевский собор, построенный в 1630 г. вместо сожженной «немецкими людьми» (вероятнее всего, шведами) церкви на находящемся в черте города о. Мариам [23, с. 67]. Приписными к собору в

течение всего XIX в. оставалась каменная церковь во имя Смоленской Божией Матери, построенная в 1828 г. на средства прихожан. Следующей приписной церковью была кладбищенская Успенская церковь, построенная «тщанием олонецких граждан» в 1788 г. и снабженная «нужною утварью от собора». И, наконец, третьей приписной к Николаевскому собору являлась церковь во имя Казанской иконы Божией Матери, возведенная в 1779 г. «тщанием» титулярного советника Р.П. Романова. Помимо главной, соборной церкви в городе находилась церковь во имя архангела Михаила, построенная в 1672 г. стрельцами, и приписная к ней церковь во имя Тихвинской иконы Божией Матери [7, л. 22]. К концу XIX в. здания большинства храмов Олонца оказались в плачевном состоянии, а церковное благолепие оставляло желать лучшего. По описанию современника событий К.К. Случевского, в соборе во имя Смоленской иконы Божией Матери «нельзя не заметить древности икон, украшающих храм по множеству; они вообще довольно мелки, несомненно, принадлежали когда-то другому, несуществующему храму». Другие городские церкви, по данным того же источника, находились в еще более плачевном состоянии. Никольская церковь и храм Тихвинской иконы Божией Матери «простоят едва ли долго и приходят в ветхость не по дням, а по часам» [51, с. 328, 331].

В организации строительства церквей и обеспечения их всем необходимым для богослужений сходство между городскими и сельскими приходами оставалось в течение всего изучаемого периода вполне ощутимым. Сохранившиеся дела о строительстве церквей свидетельствуют, что инициатива, а также финансирование возведения храма целиком зависели от «самопроизвольного желания» прихожан. Например, приписная к Николаевскому собору кладбищенская церковь во имя Успения Божией Матери возведена в 1788 г. «тщанием прихожан» [7, л. 22]. Большинство церквей, находившихся в XIX в. в Олонце, построены еще в XVII – XVIII вв. и подробные сведения об обстоятельствах их возведения не сохранились. Но «поновление» храмов вполне вписывается в основные закономерности,

присущие строительству церквей на всей территории Олонецкой епархии. Церковь во имя святителя Николая, построенная в 1630 г., «возобновлена» (капитально отремонтирована) на средства купца Василия Федорова в 1856 г. Приписная к ней церковь во имя Успения Божией Матери в 1862 г., благодаря тому же жертвователю, «поднята на каменный фундамент» [7, л. 4].

Типичной чертой как городских, так и сельских приходов в Олонецкой епархии стала сложная территориальная структура: наличие часовенных приходов со своим кругом годовых праздников. Подавляющее большинство часовен было построено в прилегающих к Олонцу деревнях и связано с удовлетворением религиозных потребностей крестьян, проживавших на относительно большом (несколько верст) расстоянии от приходской церкви. В 1880 г. к их числу добавилась часовня во имя святого Александра Невского, построенная непосредственно в центре Олонца на городской площади на средства проживавшего в Олонце Санкт-Петербургского купца К. Чертова в память об «избавлении государя императора от руки злодея» [44, л. 5] (во время очередного покушения на Александра II). Все перечисленные часовни оставались приписными к Николаевскому собору, и богослужение в них совершало духовенство главной церкви Олонца. Вырученные в ходе «свечной продажи» средства поступали в казну олонецкого храма.

Различия между городскими и сельскими приходами прослеживаются при изучении сословной, конфессиональной и этнической принадлежности горожан. Особенностью городских приходов стало значительно меньшее влияние на религиозную жизнь языкового барьера между клиром и паствой, в то время как в сельских приходах эта проблема сохраняла остроту и в XIX в. Но и в приходе олонецкого Николаевского собора духовенство испытывало затруднения в общении со значительной частью паствы. Судя по донесениям священников, у прихожан-карелов, проживавших в Олонце, к середине XIX в. сохранялось «недостаточное знание истин веры и заповедей, многие из них не знают никаких молитв, кроме краткой молитвы Иисусовой» [30, л. 197]. Священники, оценивая ситуацию, видели две основные причины слабого

«усердия» карелов «к посещению церкви Божией и к исполнению христианского долга исповеди и святого причастия». Первая состояла в «непонимании карелами важности и значения церковных служб, отправляемых не на родном карельском языке». Вторая – в «издавна существующих в городе Олонце базарах по воскресным и праздничным дням, когда и осуществляются основные богослужения» [30, л. 197].

Судя по доношениям священников, в городах было менее заметно влияние старообрядчества. Но и городам не удалось полностью избежать влияния «древлего благочестия». В Олонце ситуация несущественно отличалась от положения, характерного для значительной части епархии. По замечаниям местных священников, прихожане «в большей или меньшей степени заражены мнениями раскольническими». Олонецкие иереи признавали, что в конкуренции со старообрядческими наставниками они явно проигрывают: «редкие из прихожан обращаются к духовным лицам за советами и наставлениями, а, как зараженные духом раскола, более привержены к лицам, придерживающимся старины и раскола». Влияние старообрядчества на олонецких прихожан проявилось и в немногочисленности посещавших церковь. Местное духовенство объясняло отсутствие верующих на литургии деятельностью «хитрых расколоучителей, посеявших в народе мысль о достаточности домашней молитвы для спасения человека» [15, л. 3]. Принимаемые духовной и светской властями энергичные меры (преимущественно гонения с широким использованием полиции) позволили улучшить ситуацию. За время репрессий 1830-х гг. численность старообрядцев в Олонце значительно снизилась, «сойдя к концу века на нет» [45, с. 59].

Важным критерием, отличающим городские приходы от сельских, является расстояние между церковью и приходскими селениями. Клир сельских приходов регулярно объезжал удаленные от церкви селения, совершая церковные обряды со значительным опозданием, после свершившихся событий (в частности, погребения). Эта характерная черта религиозной жизни сельских приходов не прижилась в городе, где прихожане располагали более

благоприятными возможностями для частого посещения церкви. По данным из «сведений» о состоянии Олонецкого Николаевского собора, подготовленных в 1854 г., приход главного олонецкого храма «расположен только в 5-ти верстах и сообщение везде и во всякое время удобное» [47, л. 2]. Но и в таких вполне благоприятных условиях основу религиозной жизни составляло не богослужение, а внешние, не требующие особых усилий, проявления религиозности, о чем свидетельствует описание прихода Олонецкого собора: «Жизнь прихожан совершенно не одобрительна и не отличается строгим благочестием». В то же время олончане, по наблюдению священников, «мимо церкви, часовен и крестов не пройдут без крестного знамения». Создатели подробного описания приходов Олонца подметили и другую типичную черту набожности местных жителей. В документе говорится: «Сословие купцов, мещан и крестьян хотя строго соблюдает посты, в воскресные и праздничные дни, однако холодно к богослужениям церковным» [28, л. 6].

Каргополь, бесспорно, являлся самым древним городом епархии. По горестному замечанию современника событий, расцвет города остался в далеком прошлом: «XVI век был самым лучшим временем для жителей Каргополя» [13, с. 3]. Интенсивное строительство церквей в нем, начатое во времена средневековья, к изучаемому периоду принесло ощутимые плоды. По данным XIX в., нашедшим отражение в ежегодных отчетах олонецких епархиальных архиереев, а затем и в современной литературе, Каргополь являлся особым городом с точки зрения церковной статистики. В отчете епископа за 1870 г. указывалось, что «избыток церквей усматривается в одном городе Каргополе, в котором на 2 789 душ обоего пола имеется приходских церквей 8. <...> Напротив, недостаток церквей ощутим во многих приходах епархии» [35, л. 10]. Аналогичные наблюдения содержались и в отчете за 1900 г.: «Здесь (в Каргополе – *М.П.*) все церкви каменные, солидной постройки, издавна более или менее обеспечены в своем существовании вечными вкладами». Местное купечество «усердно заботится о содержании этих церквей в целости и надлежащем благолепии». К началу XX в. в городе насчитывалось

16 церквей (не считая двух домовых и кладбищенской), а также два монастыря [8, с. 19].

Огромное количество церквей при относительно небольшом числе горожан создавало существенные трудности в поддержании «благолепия». Ведь именно на приход возлагалось основное бремя расходов, связанных с обеспечением нужд церкви и причта. В архиве консистории сохранились многочисленные дела, свидетельствующие о бедности приходских храмов и белого духовенства. В 1809 г. церковный староста купец Андрей Солодягин на собственные средства закупал свечи, муку, ладан и вино для нужд Каргопольского Христорожественского собора, поскольку в церковной казне отсутствовали необходимые деньги [11, л. 1]. Причту Каргопольской Благовещенской церкви в 1873 г. с большим трудом удалось добиться ремонта печи, «давно уже построенной». В церкви, предназначенной для богослужений в зимний период, «в морозы бывает так холодно, что во время совершения таинства пальцы в руках остаиваются» [10, л. 1].

На беспросветную бедность обрекали себя те деятели Церкви, которые поступали на службу в каргопольские храмы. По данным ведомости о Церкви и причтах города Каргополя за 1854 г., духовенству собора во имя Рождества Христова «постоянного оклада не получается, за исключением четырех рублей серебром» [4, л. 2]. В «сведениях» о церквях и соборах города Каргополя за 1865 г. представлены аналогичные сведения о духовенстве Троицкого прихода: «священно- и церковнослужители, кроме добротного подаяния от прихожан за требоисправление, никакого постоянного оклада не получают; содержание их весьма скудно», «земли при церкви не имеется», «домов у священнослужителей не имеется по причине бедности» [50, л. 1]. Исправить ситуацию могли добровольные пожертвования верующих. И они не замедлили появиться. По данным за 1875 г., каргопольский мещанин И.В. Хромулин, прихожанин Владимирской церкви, представил в местный храм государственный 5% банковский билет «в поминовение его жены и родственников с тем, чтобы половина процентов получалось на содержание

причта сей церкви, а другая половина процентов была на церковные потребности» [9, л. 40].

Духовные проблемы по сравнению с материальными решались с еще большим трудом. Каргопольские горожане не отличались особым благочестием: местные жители редко посещали свои древние церкви, а «памятники благочестивой старины не гармонируют с настоящей житейской действительностью». Более того, «люди, воспитанные вчуже этих храмов, ходят по своим дорогам – ищут своих интересов. Волна народная касается церковных стен большею частью лишь в торжественные праздники, венцы, богатые похороны». В обычные дни на церковной службе встречались лишь нищие [12, с. 21]. Стечение народа к одной из приходских церквей «бывает только в дни празднования Владимирской иконе, в остальные праздники никого не бывает» [12, с. 42].

Состояние дел в городских приходах, как видно из приведенного материала, хотя и отличалось от сельских приходов в лучшую сторону, но все же не было блестящим. Специфической чертой религиозной жизни в Каргополе стало взаимодействие прихода и монашеской обители, расположенной непосредственно в городе. Один из каргопольских монастырей, женский, оставался замкнутым мирком. Другой, мужской, постепенно приобретал все большее значение в духовной жизни епархии. Но в середине XIX в. его роль была скромной. Монастырь оставался хранителем многовековых духовных традиций, но его экономическое значение и, самое главное, влияние в округе стало стремительно сокращаться. В 1865 г. были составлены «сведения» о его состоянии. В документе указывалось, что «богослужение в монастыре совершается по общему чиноположению церкви с точностью без поспешности, <...> службы Божии совершаемы были в положенное время неупустительно и каждодневно несмотря на ощутительную скудость кружечного и свечного доходов». Но горожане часто игнорировали монастырскую церковь: «посетителей святого храма не только в простые, но даже и в воскресные и праздничные дни весьма мало было» [49, л. 2].

В XIX в. некоторое воздействие на местную духовную жизнь оказывали старообрядцы-странники, но сохраняли заметное влияние представители даниловского и филипповского толков [24, л. 176; 25, с. 35-36]. В числе факторов, благоприятствовавших старообрядческому влиянию, современники видели «приверженность к расколу людей богатых, в основном торговых и промышленных». «Многие беды» происходили от постоянных «сношений раскольников с единоверцами Санкт-Петербурга, Москвы». К числу значимых причин, способствовавших росту влияния староверов, относилось и «небрежение властей, кои сами порой потворствуют расколу» [29, л. 45]. Из приведенного перечня видно, что старообрядчество опиралось на внешние по отношению к религиозной жизни факторы. Можно утверждать: в целом позиции старообрядчества в Каргополе оставались довольно слабыми. Численность местных городских приверженцев «древлего благочестия» оставалась минимальной и имела тенденцию к сокращению. В 1817 г. в Каргополе проживало 15 старообрядцев, в 1861 г. их стало 13. К более-менее благоприятному для «раскола» 1897 г. численность учтенных старообрядцев в городе сократилась до одного человека [45, с. 59].

Тем не менее, в 1911 г. в Каргополе «в целях миссионерских» появился собственный викарий, местом пребывания которого стал монастырь. Новый статус обители не привнес существенных изменений в повседневную жизнь. Один из паломников, посетивших его в 1915 г., писал: «Монастырь живет замкнутой жизнью, как оно и должно быть, вдали от городского шума, мирской суеты, живет трудовой, мирной и духовной жизнью» [18, с. 372]. В то же время каргопольский викарий сразу же приступил к активной деятельности. Значительную часть времени он проводил в поездках по обозрению приходов и монастырей вверенной ему части Олонецкой епархии, занимался организацией пастырских собраний и церковно-приходских советов «для оживления приходской жизни, для возрождения прихода и для устранения замечаемой в последнее время чуждаемости между приходским пастырем и прихожанами» [18, с. 374].

В *Повенце* наблюдались сходные с прочими городами Олонецкой епархии противоречивые тенденции. Бедность клириков и существенные проблемы, сохранявшиеся в строительстве церквей, сочетались с амбициозными планами преобразования духовной жизни на новых, более просвещенных, основах. Постепенно росла образованность городского духовенства. По сравнению с XVIII – началом XIX вв. к середине столетия ситуация заметно изменилась. По данным на 1857 г. все священно- и церковнослужители Повенца имели дипломы духовных учебных заведений, а служивший при Повенецком соборе А. Корбозерский намеревался «посвятить себя ученой жизни» и «ожидал случая поступить в Духовную академию» [1, л. 3]. У некоторых священников города Повенца имелся довольно значительный опыт преподавания в духовных и светских учебных заведениях. Настоятель Повенецкого собора протоиерей Иоанн Шустов некоторое время преподавал греческий язык в Петрозаводском духовном училище, арифметику и геометрию в епархиальном женском училище [6, л. 5]. Другой протоиерей, предшественник Иоанна Шустова, Иоанн Модестов после окончания семинарии «исправлял должность» регента архиерейского хора, а затем стал законоучителем Петрозаводской Мариинской женской гимназии [48, л. 240, об.]. Все назначения отражали высокий уровень эрудиции и богословской подготовки повенецких священнослужителей. На городское духовенство возлагались разнообразные обязанности, порой лишь косвенным образом связанные с пастырской деятельностью. К 1893 г. соборный протоиерей являлся благочинным повенецких городских церквей, законоучителем Повенецкого градского двухклассного училища и женского земского училища, директором Повенецкого тюремного отделения, членом Повенецкого уездного училищного совета, а также председателем Совета Повенецкого отделения Александро-Свирского братства [20, л. 2].

Существенной заботой повенецких прихожан и важной составляющей религиозной жизни Повенца стали церкви и часовни. Главенствующее значение в городе имел деревянный Петропавловский собор, построенный в 1703 г.

Приписными к нему церквами являлись одноименная церковь, возведенная в 1600 г., как говорилось в документах консистории, «схимонахом Анфимом и новгородскими купцами» [56, л. 4]. К середине XIX в. старая церковь производила жалкое впечатление: «ветхая до последней степени. Иконостаса вовсе нет никакого, иконы поставлены одна на другую и прикреплены к шести брускам, вертикально стоящим во всю высоту от пола до потолка» [1, л. 5]. В 1893 г. в число городских церквей добавилась перестроенная из часовни кладбищенская церковь во имя Успения Божией Матери [31, л. 239; 48, л. 129]. Возведение храма в Повенце стало одной из главных забот местной духовной власти, которая уповала исключительно на добротворство горожан. Упоминание о плачевном состоянии повенецкого собора содержится в одном из ежегодных донесений о состоянии Олонецкой епархии, представленном в Синод. «В городе Повенце, – говорилось в отчете архиерея, – давно не имеют приличного соборного храма, ныне таковой строится, хотя деревянный, но приличный» [34, л. 14]. Вопрос о строительстве нового храма в Повенце был поставлен в 1857 г., когда «градское общество подпискою обязалось вывезти безденежно на постройку собора из градской дачи около 400 деревьев» [1, л. 18].

Для решения всех текущих вопросов была создана комиссия в составе городничего, нескольких мещан, соборного священника и церковного старосты. В задачи комиссии входило, во-первых, избрание «благонадежного и способного человека для принятия и хранения материалов, имеющих поступать на постройку церкви». Во-вторых, комиссия обязывалась вести книги для записи поступающих пожертвований. В-третьих, комиссия организовывала торги на право проведения работ и заключала контракты, представляя их затем на утверждение консистории. По окончании постройки церкви комиссия обязывалась «представить надлежащий отчет, с приложением книг и документов по постройке» [1, л. 19]. К началу 1860-х гг. храм построили и освятили. В начале XX в. в Повенце началось строительство нового трехпрестольного деревянного храма «на средства, отпущенные городским управлением из общественных сумм» [33, л. 186]. К 1908 г. «тщанием причта и

прихожан на сумму, отпущенную городским управлением в количестве 20 000 рублей и до 8 000 рублей церковных сумм» был построен третий в истории Повенца Петропавловский собор, деревянный на каменном фундаменте с престолами во имя святых первоверховных апостолов Петра и Павла, Рождества Христова, святого Николая чудотворца и Алексия, митрополита Московского [57, с. 507].

Богослужения в церквях Повенца были значительно более регулярными, чем в сельских приходах. По свидетельству местного благочинного, «богослужение <...> совершалось ежедневно, равно молебствия и панихиды о высочайших особах в положенные по табели и по реестру дни отправлялись неупустительно». Местное духовенство активно занималось проповеднической деятельностью: «пастыри церкви стараются при каждом случае назидать своих пасомых. <...> В соборе, в течение года почти каждое воскресенье, праздничные и высокаторжественные дни были произносимы с церковной кафедры проповеди, большею частью своего сочинения, а иногда из книг, одобренных духовною цензурою» [48, л. 240]. Постепенно церковное просвещение приносило плоды, о чем свидетельствуют данные описания прихода, составленного повенецким благочинным в 1893 г. «Жители города Повенца, – писал священник, – обнаруживают свое благочестие частым хождением в церковь, особенно в дни воскресные и праздничные, а также и в высокаторжественные». Они заказывают молебны «как по случаю радостных, так и скорбных событий в жизни», поминают умерших, приглашают в свои дома священнослужителей с почитаемыми в городе иконами [48, л. 241].

Основные проявления религиозной жизни *Пудожя*, как и Повенца, практически полностью соответствовали особенностям церковного уклада сельской округи. Прежде всего, в Пудожском приходе в XVIII – начале XX вв. имелась лишь одна приходская церковь, в которой регулярно велось богослужение, и одна кладбищенская. Богослужение в ней совершалось «причтом градской церкви преимущественно в летнее время в дни поминовения прихожан по просьбе родственников». Строительство церкви по

имя Живоначальной Троицы в Пудоже с приделами во имя святителя Николая Чудотворца и великомученика Георгия, завершенное в 1827 г., как и в сельских приходах Олонецкой епархии, велось за счет средств всех местных прихожан. Капиталы пудожского купечества оказались недостаточными. Однако здесь имелась своя специфика. Существенный вклад в капиталы, предназначенные для возведения храма, внес сам Всероссийский император. Как видно из документов, он «всемиловитвейшее пожаловать изволил три тысячи рублей на достроение в городе Пудоже церкви» [54, л. 17].

К числу «новых» городов наряду с Пудожем относятся *Лодейное Поле* и *Вытегра*. В этих городах прослеживаются сходные закономерности складывания и развития городской религиозной жизни. Судя по имеющимся источникам, они представлены слабо и связаны со случайными проявлениями активности отдельных граждан. В Лодейном Поле строительство церквей происходило за счет средств одного, но влиятельного и богатого благотворителя, являвшегося одновременно церковным старостой. Лодейнопольский купец И.Е. Евфимов на собственные средства построил кладбищенскую церковь, отремонтировал главный городской храм, возведенный в свое время на средства его предков. Он сам стал церковным старостой, отдавая церкви не только деньги на постройку и ремонт, но и уделяя ей «преимущественное внимание» по сравнению с другими житейскими делами. Итоги, с которыми церкви Лодейного Поля вступили в XX в., вызывали радость и умиление у духовного начальства: «все лодейнопольские храмы и в особенности собор, в отношениях благолепия, чистоты и порядка стоят на высоте подобающего им, как домам Божиим, приличия». Отрадная ситуация резко контрастировала с типичным для других городов, в том числе и Лодейного Поля, состоянием домов для проживания духовенства, которые оставались «убогими», места в них недоставало. Некоторым членам причта приходилось «нанимать на счет свой квартиры, которые в Лодейном Поле весьма дороги» [46, с. 753-754].

Изучение особенностей религиозной жизни, характерных для сельских и

городских приходов Олонецкой епархии, показывает, что основные различия между городом и деревней в конфессиональной сфере обуславливались административными обязанностями пастырей, а не интенсивностью религиозной жизни или большими материальными возможностями городского населения. Но и в церковно-управленческой сфере между городом и деревней отсутствовала противоположность. Обязанности городского духовенства и, прежде всего, исполнение благочиннической должности, в ряде случаев возлагались и на сельских пастырей. В отношении паствы вывод об отсутствии значимых различий между городской и сельской религиозной жизнью можно сделать с еще большей определенностью. Горожане и крестьяне являлись носителями единой народной, в значительной степени сакральной культуры. Их представления об организации религиозной жизни стали решающим фактором в повседневном бытии православной церкви. Но все же между городом и деревней имелись серьезные различия. Более образованное, чем сельские жители, городское население предъявляло серьезные требования к совершению богослужений и в целом к ритуальной стороне деятельности Церкви. В ряде городов Олонецкой епархии существовали не только православные, но и лютеранские, иудейские, католические религиозные общины. Между ними не возникало ни конкуренции, ни, тем более, враждебности. Однако наличие христиан иных конфессий и даже нехристианских религиозных сообществ приводило к тому, что на подготовку духовенства и церковное просвещение мирян приходилось обращать более пристальное внимание.

Список литературы:

1. Акты обследования Повенецкого Петропавловского собора // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 16. Д. 66/16. Л. 14-18 об.
2. Балагуров Я.А. Олонецкие горные заводы в дореформенный период. Петрозаводск: Госиздат КАССР, 1958. 211 с.
3. Бернштам Т.А. Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии. СПб.: Петербургское востоковедение, 2005. 416 с.

4. Ведомости о церкви и причтах города Каргополя за 1854 г. // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 15. Д. 54/1182. Л. 2.
5. Ведомость о кафедральном соборе Олонецкой епархии // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 15. Д. 86/1784. Л. 34-63.
6. Ведомость о церкви, состоящей в городе Повенце Олонецкой епархии за 1916 г. // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 16. Д. 29/320. Л. 1-5 об.
7. Ведомость об Олонецком Николаевском соборе за 1875 г. // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 257. Оп. 1. Д. 1/14. Л. 1-12, об.
8. Галкин А.К. Монастыри Каргополья – родины св. митрополита Вениамина // Наследие монастырской культуры. Ремесло, художество, искусство. СПб.: Российский институт истории искусств, 1998. Вып. 3. С. 19-26.
9. Дело о пожертвованиях в церкви и монастыри в 1875 году // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 4. Д. 37/1. Л. 1-40.
10. Дело об устройстве печи в Каргопольской градской Благовещенской церкви // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 4. Д. 35/21. Л. 1.
11. Дело по прошению Каргопольского Христорожественского собора церковного старосты купца Андрея Солодягина // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 16, Д. 18/83. Л. 1-4.
12. Докучаев-Басков Ф.К. Каргополь. Архангельск: Правда Севера, 1996. 106 с.
13. Докучаев-Басков К.А. Церковно-приходская жизнь в городе Каргополе в XVI-XIX вв. М.: Издание Императорского общества истории и древностей российских, 1900. 236 с.
14. Доношение Синоду из Канцелярии Олонецких Петровских заводов // Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 38. Д. 52. Л. 1-3.
15. Записка о состоянии раскола в городе Олонце // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 1. Д. 35/45. Л. 1-5 об.
16. Иоанн, иеромонах. Религиозно-нравственные чтения на Голиковке //

Олонецкие епархиальные ведомости. 1911. № 5. С. 83-84.

17. История Петрозаводска: власть и горожане. Петрозаводск: Периодика, 2008. 373 с.

18. Каргопольский Спасо-Преображенский, викариатский ныне, монастырь // Олонецкие епархиальные ведомости. 1915. № 20. С. 372-374.

19. Касаткина С.С. Взаимосвязь человека и общества с городским пространством как принцип системности города (социально-философский контекст) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 3. С. 31-36.

20. Клировые ведомости Повенецкого Петропавловского собора за 1890 год // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 20. Д. 28/312. Л. 1-2 об.

21. Кокс Х. Мирской град: Секуляризация и урбанизация в теологическом аспекте. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. 263 с.

22. Кораблев Н.А., Мошина Т.А. Городские головы Петрозаводска, 1778-1918: биографический справочник. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2008. 128 с.

23. Кочкуркина С.И., Куспак Н.В., Мамонтова Н.Н., Платонов В.Г. Древний Олонец. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1994. 238 с.

24. Краткий очерк всех действий и успехов миссионера священника Петра Мишурина против раскольников в Каргопольском и Пудожском уездах в 1866 г. // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 13. Д. 5/89. Л. 176-178.

25. Кулишова С.В. Деятельность противораскольнической миссии в Каргопольском уезде // Старообрядческая культура Русского Севера. М.; Каргополь: [Б.и.], 1998. С. 30-38.

26. Любецкий Д. Историческая записка об Олонецкой духовной семинарии за минувшее 50-летие (1828-1879 гг.) // Пятидесятилетний юбилей Олонецкой духовной семинарии. Петрозаводск: Олонецкая губернская типография, 1879. С. 20-45.

27. Немчинов В.М. Метафизика города // Город как социокультурное

явление исторического процесса. М.: Наука, 1995. С. 234-239.

28. Описание приходов города Олонца // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 2. Д. 25/1682. Л. 2-5.

29. О состоянии и движении раскола в Каргополе и Каргопольском уезде // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 2. Д. 16/83. Л. 31-45.

30. О состоянии Олонецкого Николаевского собора за 1854 г. // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 1. Д. 35/45. Л. 195-199.

31. О состоянии церковей Олонецкой епархии в 1893 году // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 2. Д. 25/1682. Л. 1-199.

32. Описание заводской церкви во имя святого благоверного князя Александра Невского // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 15. Д. 107/2170. Л. 141-144.

33. Отчет благочинного Повенецкого Петропавловского собора // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 20. Д. 9/96. Л. 151-186.

34. Отчет о состоянии Олонецкой епархии за 1861 год // Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 442. Д. 61. Л. 1-49 об.

35. Отчет о состоянии Олонецкой епархии за 1870 г. // Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 442. Д. 383. Л. 1-45.

36. Отчет о состоянии Олонецкой епархии за 1904 год // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 20. Д. 9/97. Л. 1-39.

37. Отцам депутатам очередного съезда духовенства 1911 г. // Олонецкие епархиальные ведомости. 1911. № 21. С. 367-368.

38. Петрозаводск. 300 лет истории. Документы и материалы. Петрозаводск: Карелия, 2001. Кн. 1. 438 с.

39. Письмо олонцкого губернатора А.И. Рыхлевского архангельскому, олонцкому и вологодскому генерал-губернатору С.И. Милицкому // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 1. Оп. 36. Д. 23/11. Л. 6-8.

40. Прилуцкий А.М. Категориальная семиотика оппозиции деревня-город в современном эсхатологическом дискурсе // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2020. № 3. С. 80-93.

41. Протоколы канцелярии Олонецких Петровских заводов за 1757 год // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 445. Оп. 1. Д. 220. Л. 1-289.
42. Протоколы канцелярии Олонецких Петровских заводов за 1769 год // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 445. Оп. 1. Д. 247. Л. 1-159 об.
43. Протоколы канцелярии Олонецких Петровских заводов за 1780 год // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 445. Оп. 1. Д. 329. Л. 1-420.
44. Рапорт о постройке часовни во имя святого Александра Невского // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 257. Оп. 1. д. 1а/64. Л. 5-7.
45. Ружинская И.Н. Старообрядчество городов Олонецкой губернии в XIX в. // Старообрядчество: история, культура, современность. Вып. 8. М.: Церковь, 2000. С. 57-64.
46. С.А. П-ий. Город Лодейное Поле (корреспонденция) // Олонецкие епархиальные ведомости. 1914. № 33. С. 753–754.
47. Сведения о состоянии Олонецкого Николаевского собора за 1854 год // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 2. Д. 25/1682. Л. 1-16.
48. Сведения о состоянии Повенецкого Петропавловского собора с приписными к нему двумя церквями, и о причте сего собора // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 2. Д. 25/1682. Л. 128-240 об.
49. Сведения о состоянии Спасо-Каргопольского монастыря за 1865 г., составленные применительно к указанию предметов ежегодного донесения епархиального преосвященного архиерея о состоянии епархии // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 16. Д. 70/6. Л. 2.
50. Сведения о церквях и соборах города Каргополя за 1865 год // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 16. Д. 74/42. Л. 1-23.
51. Случевский К.К. По северо-западу России. Т. 2. По западу России. СПб.: Издание А.Ф. Маркса, 1897. 608 с.
52. Сорокин В. Исповедник. Церковно-просветительская деятельность митрополита Григория (Чукова). СПб.: Издательство «Князь-Владимирский Собор», 2005. 736 с.
53. Сорокина Т.В., Генделев Д.З. Соборы Петрозаводска. Петрозаводск:

Карелия, 1999. 48 с.

54. Указ Новгородской Духовной консистории // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 16. Д. 35/98. Л. 17.

55. Указ Олонецкой Духовной консистории // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 16. Д. 9/77. Л. 1-1 об.

56. Указание по Повенецкому Петропавловскому собору за 1851 год // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 16. Д. 60/3. Л. 4-7.

57. Щеголев И. Трехсотлетний юбилей первого Повенецкого храма // Олонецкие епархиальные ведомости. 1900. № 13-14. С. 507-508.

58. Юхименко Е.М. Выговская старообрядческая пустынь. Духовная жизнь и литература. М.: Языки славянской культуры, 2002. Т. 1. 544 с.

Сведения об авторе:

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук; доцент кафедры экономики, управления производством и государственного и муниципального управления Института экономики и права Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск, Россия).

Data about the author:

Pulkin Maxim Viktorovich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of Institute of Language, Literature and History of Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor of Economics, Production Management and State and Municipal Administration Department, Institute of Economics and Law, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia).

E-mail: mvpulkin@mail.ru.